

Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ

Т. Н. Ильина¹, А. А. Дорская², А. Ю. Дорский³

¹ Курский государственный университет,

Российская Федерация, 305000, Курск, ул. Радищева, 33

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

³ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ильина, Татьяна Н., Дорская, Александра А., Дорский, Андрей Ю. 2018. «Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 467–483. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.402>

В статье на конкретных историко-правовых примерах рассматривается взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере в периоды стабильности, правовых реформ и революционных преобразований. В исследованиях по истории государства и права эти вопросы постоянно затрагиваются в разных аспектах, но вместе с тем отсутствуют теоретические обобщения на основе историко-правового материала, поэтому проблема взаимодействия государства и общества в правовой сфере не только приобретает актуальность, но и требует изучения с точки зрения имеющегося опыта. Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере наблюдается на всех этапах истории. С точки зрения достижения краткосрочного результата наибольшие перемены происходили в российском праве в революционные периоды, однако многие из них носили временный характер. Периоды стабильности позволяют государству и обществу вести диалог, в том числе в вопросах развития права, а нормативно-правовой материал отличается проработанностью. В статье делается вывод о том, что наиболее интенсивное взаимодействие государства и общества наблюдается в периоды правовых реформ. Показаны плюсы и минусы результатов такого взаимодействия в каждый из периодов. Рассмотрены такие формы взаимодействия государства и общества в правовой сфере, как придание обычаю статуса правового обычая, институт «народной инициативы» в законотворческом процессе, создание официальных и научных специальных комиссий для изучения реальной правовой картины, изучение реакции общества на новые нормативно-правовые акты или их реализацию, мониторинг правоприменения, массовое игнорирование выполнения нормы права, обращение российских граждан в международные судебные органы.

Ключевые слова: правовая сфера, правовая реформа, революция, период стабильности, уровень трансгрессии общества, правотворчество, источник права.

1. Введение. Взаимодействие государства и общества является традиционным предметом исследования (Chan 2016; Christie 2012; Maundeni 2004; Ruud 1996; и др.). В последние годы специалисты обращаются преимущественно к изучению этого аспекта в обществах демократического транзита: Китае (Хуеяо and Jinhua 2013),

Вьетнаме (Koh 2006), ЮАР (Ndou and Sebola 2014) и других странах. Ряд работ посвящен России (Aasland and Meylakhs 2017; Подольный, Подольная 2014; Rieber 2018; и др.). Такой акцент обусловлен общим для большинства авторов взглядом на пространство отношений между государством и обществом как на «арену борьбы» за права человека и осознанием того, что недостаточное внимание к этой сфере приводит к ситуации, когда: а) не обеспечиваются права и свободы личности; б) не осуществляется первичное право человека на управление и контроль всеми государственными и социальными процессами; в) гражданское общество остается недемократизированным (Holovatyi 2015).

Однако взаимодействию государства и общества в правовой сфере пока не уделяется должного внимания. Российские исследователи в основном изучают теоретические основы данного взаимодействия, его особенности в условиях построения правового государства и развития гражданского общества (Melnikov et al. 2018; Хоконов 2009; Черноусова 2012; Бейсенбин и Летуновский 2013; Фетюков 2016; Фетюков 2017), проблемы государственно-общественного партнерства (Шапкина 2014), антропологические аспекты сотрудничества государства и общества (Ахметова и др. 2014), его необходимость в социальной сфере (Петрушечкин 2009), конституционно-правовые вопросы взаимодействия государства и общества (Нудненко 2012), трансформацию интеракции при формировании электронного государства и информационного общества (Лапина 2017; Бачило 2008; Бойченко 2012), пересекающиеся сферы правового интереса гражданского общества, личности и государства (Сигалов 2016) и т. д.

В исследованиях по истории государства и права, с одной стороны, данные проблемы постоянно затрагиваются в разных аспектах, но с другой — отсутствуют теоретические обобщения на основе историко-правового материала. Если принять во внимание, что общий вектор развития нашей страны можно, по образному выражению С. С. Алексеева, назвать «трудной и тернистой дорогой к праву» (Алексеев 1997, 6), на которой вставали и встают многочисленные преграды (огромное количество войн на территории Российского государства, многовековое существование традиционного уклада жизни, способствующего больше жизни «по обычаю», чем жизни «по закону», сильнейшее влияние религиозных норм разнообразных конфессий, отсутствие представлений о ценности права и т. п.), то проблема взаимодействия государства и общества в правовой сфере не только приобретает актуальность, но и требует изучения с точки зрения имеющегося опыта.

2. Основное исследование. Взаимодействие государства и общества в правовой сфере наблюдается на протяжении всей российской истории. Уже в Краткой редакции Русской Правды были закреплены правовые обычаи, сложившиеся в предшествующий период: кровная месть, круговая порука и т. д. Однако интенсивность такого взаимодействия может быть различной.

Обобщая историко-правовой материал, можно выделить три возможных варианта: периоды стабильности, правовых реформ, революций.

В периоды стабильности (более-менее мирное время) интенсивность взаимодействия государства и общества в России в правовой сфере может быть как сильной, так и слабой. Инициатором изменений в праве практически всегда является государство, а общество, как правило, «потребляет» то, что ему предлагается.

В истории России мирных, стабильных периодов было не так уж много. В Древней Руси постоянные набеги сопровождались междоусобными войнами. Удельный период характеризовался борьбой за великое княжение в условиях получения ярлыков в Золотой Орде, междоусобицами и дроблением русских земель. Впервые о недолгом периоде определенной стабильности можно говорить лишь во второй половине царствования Михаила Федоровича Романова, после Смоленской войны 1632–1634 гг. Однако ему предшествовало Смутное время и долгий болезненный выход из него.

Понятие «стабильность» применимо к царствованиям двух российских императоров XIX в. Несмотря на то что Николай I (1825–1855) пришел к власти на волне разгрома восстания декабристов и на его правление пришлись русско-персидская (1826–1828 гг.), русско-турецкая (1828–1829 гг.), Крымская войны (1853–1856 гг.), а также расцвет революционного движения в Западной Европе, несколько причин способствовали тому, что в жизни российского общества появились некоторые константы. Во-первых, последовательно проводилась идея о таких трех незыблемых основах российской жизни, как «самодержавие, православие, народность». Во-вторых, цементирующим началом являлось крепостное право, которое не позволяло развиваться новым росткам экономических отношений и их правовому оформлению. В-третьих, была предпринята попытка повышения значения правового фактора в жизни если не всего российского общества, то по крайней мере его элиты в лице дворянства посредством создания Полного собрания законов Российской империи, Свода законов Российской империи, а затем и первого уголовного кодекса России — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В-четвертых, несмотря на революционные события в Европе, Россия в данный период достаточно эффективно справлялась с радикальными настроениями, которые время от времени возникали в дворянской среде (кружки 1830–1840-х гг.), в национальных районах империи (Польское восстание 1830–1831 гг.), а также с крестьянскими бунтами.

Следующим периодом определенной стабильности можно считать царствование Александра III, когда в России возобладала консервативная идеология. Например, знаменитое Положение Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», Высочайше утвержденное императором 14 августа 1881 г., по оценке современных специалистов мало отличается от комплекса нормативно-правовых актов и правительственных мероприятий административного характера, которые соответственно издавались и проводились на протяжении XIX в., поэтому он вполне сравним с Высочайшим указом от 3 июля 1826 г. об образовании III Отделения Собственной Его Величества канцелярии (Биюшкина 2010, 288–289).

В советский период наиболее мирной и стабильной была «эпоха застоя». Если предшествующие этапы стабильности, как правило, сопровождались тем, что принятие большинства нормативно-правовых актов оставалось незамеченным обществом, то в 1970-е гг. государство и общество активно взаимодействовали в правовой сфере. Примером может служить действительно всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г. Как отмечалось в статье В. С. Кронского, «воздействие всенародного обсуждения на содержательную сторону законодательного процесса выразилось прежде всего во внесении более 340 изменений, затронувших

118 статей проекта нового Основного закона» (Кронский 1985, 43). При этом применялись различные формы взаимодействия государства и общества. Проводились собрания и митинги на предприятиях, проект Конституции обсуждался на партсобраниях, в профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях и, конечно, на страницах прессы (Бычков 2007, 266).

В периоды проведения правовых реформ (переходные периоды (Сорокин 2003)) инициатором изменений также является государство, но целью ставится трансформация не только нормативно-правовой базы, но и правосознания субъектов права (Рябцев 2005, 3; Короткова 2010).

Правовые реформы можно классифицировать по различным критериям: 1) реформы, призванные изменить саму правовую реальность, и правовые реформы, направленные на обеспечение преобразований в других сферах жизни — политической, экономической, социальной и т. д.; 2) завершённые и незавершённые реформы; 3) правовые реформы, имеющие целью улучшение жизни общества в целом и каждого его члена, и реформы, направленные на сохранение власти правящей элитой; 4) реформы, опирающиеся на позитивный отечественный опыт прошлого, на правовые традиции; реформы, представляющие собой эксперимент по созданию инновационных правовых норм и институтов, не имеющих аналогов; реформы, в результате которых осуществляется рецепция принципов и норм зарубежного, как правило европейского, права; реформы по приведению элементов правовой системы страны в соответствие международно-правовым стандартам; 5) эффективные и неэффективные правовые реформы. Однако в любом случае необходимо взаимодействие государства и общества. Так, в период правовых реформ со стороны государства требуется разработка и последовательное проведение правовой политики. В частности, В. В. Трофимов указывает, что если правовая реформа всегда имеет возможность непредсказуемого развития, то «правовая политика — не что иное, как целенаправленная деятельность государства по созданию (используя терминологию интеллектуального права) своего рода “охраноспособных правовых разработок”, т. е. апробированных (прошедших “испытание”) правовых решений, с максимальной точностью прогнозирующих правовые последствия» (Трофимов 2010, 101). От общества же в целом и от большинства его членов в частности требуется хотя бы первичное принятие проводимого реформирования, так как иначе, по образному выражению О. В. Мананикова, «право будет мертворожденным ребенком в социуме, где нет его проводников, и сама среда поражена нигилизмом» (Манаников 2008, 56).

В связи с тем, что правовая реформа является детонатором всего реформаторского процесса и инструментом для проведения остальных реформ, в эти периоды наблюдается достаточно высокий уровень трансгрессии общества (лат. *transgression* — преодоление) (Григорьев 2011, 12). Но при этом нужно учитывать, что отношение общества к правовой реформе различно в зависимости от этапа ее проведения: сначала наблюдаются общественный подъем, практически всеобщий эмоциональный всплеск, вера в возможность изменения к лучшему путем реформирования (период правового романтизма или идеализма), затем начинается отрицание результатов, общественное разочарование в итогах реформы (период правовой нигилизма), а потом о реформе как будто забывают, она продолжается, не вызывая у общества какого-либо серьезного отклика (период равнодушия). Так, если принятие Конституции РФ 1993 г., глобальные изменения в сфере частного права в 1990–2000-е гг.,

демократизация уголовного законодательства и т. д. воспринимались обществом как этапы глобального реформирования правовой системы России, то реформа полиции 2011 г. уже не отразилась в общественном сознании как часть правовой реформы. Вместе с тем историко-правовой материал показывает, что только комплексное рассмотрение всех реформ в рамках одного хронологического периода дает объективную картину процесса государственно-общественных изменений. М. В. Немытина прекрасно показала это на примере «великих реформ»: «Правительство Александра II с самого начала предусмотрело возможность взаимодействия реформ в ходе их реализации: крестьянская реформа обеспечивалась судебными гарантиями защиты экономических и личных интересов населения; судебная система формировалась при посредстве земств (земства обеспечивали выборы мировых судей и присяжных заседателей); суды были также вправе разрешать споры между органами системы самоуправления и государственной властью и т. д.» (Немытина 2012, 10).

Проблема взаимодействия государства и общества в период правовых реформ неизбежно ставит вопрос о том, насколько часто и в каких сферах можно или не следует проводить реформы. Российский историко-правовой материал показывает, что, с одной стороны, здесь не может быть однозначного ответа. Как отмечает О. В. Григорьев, «люди в силу самой своей природы стремятся к преодолению препятствий, постижению нового и незнакомого во имя поставленных целей. Степень трансгрессии для каждой цивилизации различна, для одних — это естественное состояние, постоянная величина, причина, заставляющая все материальные и духовные феномены перманентно изменяться. Для других — трансгрессия выступает в качестве временного, исключительного фактора развития, социально блокируется, идеологически осуждается» (Григорьев 2011, 12–13). С другой стороны, в истории Российского государства и права есть некоторые постоянные объекты реформирования: система органов исполнительной власти, являющаяся наиболее реформируемым элементом государственного механизма; местное самоуправление; имущество религиозных организаций (церковное имущество) и т. д. Фактически их реформирование происходит по кругу.

Высочайший уровень трансгрессии общества наблюдается в революционные периоды. Государство вынуждено принимать меры в правовой сфере, соответствующие ожиданиям общества. К таким «вырванным» у власти нормативно-правовым документам относятся и Манифест 17 октября 1905 г., авторы которого — Н. И. Вуич и Н. Д. Оболенский — даже не подозревали, что их «Записка» будет иметь такое значение, и отмена смертной казни Временным правительством в марте 1917 г., и Декреты о мире и земле большевиков от 26 октября 1917 г., и т. д.

Подобные меры вынуждена принимать и старая власть, которая в период революций пытается сохраниться, и новая элита, поднявшаяся благодаря революционной волне. Однако на практике оказывается, что такое взаимодействие государства и общества в правовой сфере не является глубоким в силу двух главных причин.

Во-первых, любая революция отличается очень низким исполнительским уровнем. Нормативно-правовые акты разрабатываются и даже принимаются, но их некому исполнять. Так, в конце 1905 — начале 1906 г. А. Н. Бенуа опубликовал в четырех номерах газеты «Слово» фельетон под названием «Художественные реформы», основное содержание которого составлял проект будущего министерства

искусств. Оно должно было возникнуть на базе реформирования министерства двора и, по сути, представлять собой министерство художественного наследия (Ананьев 2016а, 173). Данный проект не получил реализации в годы Первой российской революции, но к нему вернулись после февральских событий 1917 г. Однако, как отмечал сам А. Н. Бенуа 20 марта 1917 г., проект был обречен: «Сейчас царит “исполнительская власть” (всякая революция есть нечто в своей стихии исполнительное, если попросту — разрушающее дело), только она имеет смысл и значение. Нужно иметь возможность немедленно приводить в исполнение то, что решил и постановил. А у нас именно исполнительной силы и нет» (Ананьев 2016б, 112).

Во-вторых, как старая, так и новая власть чаще всего не очень заинтересована в реализации своих нормативно-правовых актов, так как либо стремится вернуться к прошлому (например, «третьеиюньская монархия», завершившая революционный период 1905–1907 гг.), либо для того, чтобы удержаться, сама начинает тонуть в принимаемых законах. Это может выражаться в различных формах.

Так, Постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 г. из ведения Святейшего Синода Министерству народного просвещения были переданы почти все церковно-приходские школы: начальные, а также учебные заведения (второклассные и церковно-учительские), готовившие преподавателей для начальных школ. Причина такого шага состояла в том, что в конце марта 1917 г. на волне революции в результате совместного ходатайства Святейшего Синода и Министерства народного просвещения содержание учителей начальных школ было увеличено с 360 до 600 руб. в год. Однако эта мера не коснулась учителей церковно-приходских школ. Передавая в ведение Министерства народного просвещения более 37 тыс. учебных заведений, Временное правительство пыталось преодолеть возникшее недовольство (Житенев 2018). Данное положение Постановления так и не было претворено в жизнь, однако Святейший Синод издал указ, в котором призывал протестовать против такой передачи. Позже осудил эту меру и Поместный собор Русской православной церкви¹. Таким образом, Временное правительство предпочло перестать заниматься проблемой, которая вызывала недовольство то со стороны учителей, то со стороны Церкви.

Еще одна форма «ухода» новой власти от реализации собственных нормативно-правовых актов, возникшая на революционной волне, — частота их принятия. Примером может служить неразбериха в уголовно-процессуальном законодательстве в первые годы Советской власти, когда для утвержденного 25 мая 1922 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР уже 15 февраля 1923 г. потребовалась новая редакция.

Таким образом, наиболее интенсивное взаимодействие государства и общества в правовой сфере наблюдается в периоды правовых реформ.

Важен также вопрос об эффективности (результативности) подобного взаимодействия. В каждом из трех вариантов есть свои плюсы и минусы.

В периоды стабильности наблюдается поступательное развитие нормативно-правовой базы; власть, видя пробелы, коллизии в законодательстве, как правило, в спокойном режиме их преодолевает. Так, в царствование Николая I при создании свода законов Российской империи предполагалось, что полное его издание будет осуществ-

¹ Собрание определений и постановлений Священного собора православной русской церкви. Вып. 2. М., 1918. С. 16.

вляться каждые десять лет. И действительно, второе издание вышло в 1842 г. Правда, третье издание было опубликовано уже в 1857 г., т. е. через 15 лет. Впоследствии началась «эпоха великих реформ», и обновление Свода стало проводиться только по частям и в разное время. Появились Продолжения к Своду законов, которые были двух видов: очередные, указывавшие на изменения, которые произошли со времени предшествующего Продолжения, и сводные, содержавшие изменения в законодательстве со времени последнего издания Свода. Минусом периодов стабильности является то, что в мирных условиях, как правило, растет благосостояние, и постепенно люди успокаиваются и перестают пристально следить за изменениями в правовой сфере.

Периоды правовых реформ в России очень часто заканчивались по одному из двух сценариев. *Первый сценарий* — к власти приходила новая политическая элита. Такой вариант может применяться при смене главы государства. Например, Павел I сделал очень многое для преодоления преобразований в правовой сфере Екатерины II. В его чуть более чем четырехлетнее правление было издано 2256 актов, причем его подпись стояла под 1401 (Скоробогатов 2007, 90–91). Чуть позже это произошло и в отношении его нормативно-правового наследия при Александре I. Кроме того, приход к власти новой политической элиты может и не сопровождаться сменой главы государства. Это происходит, если первое лицо страны целенаправленно возвышает новую группу для оттеснения старой. Такой прием применил Иван Грозный, когда создал Избранную раду во главе с нетитулованным А. Ф. Адашевым в противовес Боярской думе. *Второй сценарий* — реформаторский курс признавался нуждающимся в серьезной корректировке, даже ошибочным (смена общего направления курса Александра II при вступлении на престол Александра III).

Однако нередко именно реформы становятся толчком для воспитания нового поколения, постепенного изменения общественного сознания. Как известно, уже с конца 1860-х гг. власть стала отказываться от многих положений Судебных уставов 1864 г., но идеи независимости, гласности суда были восприняты самыми разными категориями российского общества и ощущались на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому даже те процессы, где, например, присяжные избиратели подбирались специально с точки зрения их социальной незащищенности и малограмотности (достаточно вспомнить дело М. Бейлиса 1913 г., когда среди присяжных было семь крестьян, два мещанина и три мелких чиновника), иногда просто «вытаскивались» людьми из народа, которые пытались принимать решение в соответствии со своей совестью и принципом справедливости. Не является исключением и современная российская правовая реформа. При всей ее противоречивости, когда вновь обострился конфликт между «двумя глобальными мировоззренческими парадигмами — идущим от греко-римской традиции человекоцентристским подходом, ориентированным на понимание права как формы индивидуальной свободы человека в общественной жизни, и системоцентристским в своей основе восточно-византийским подходом» (Лаптева, Лапаева и Пахалов 2014, 64), необходимо признать, что степень обращения общества к праву, стремление решать насущные вопросы в рамках правового поля, несомненно, возросли, хотя обратной стороной данного процесса являются и рост сутяжничества, и включение коррупционной составляющей в законодательный процесс (Мальцев, Носов 2009), и т. д.

Взаимодействие государства и общества в период правовых реформ сопряжено с рядом трудностей.

Первая их них — попытки построения партнерской модели отношений «государство — гражданин» и «общество — личность» неизбежно наталкиваются и на традиционное умаление значения права среди других социальных регуляторов, и на элементарное нежелание исполнять правовую норму, если она по какой-либо причине является «неудобной» для конкретного человека, но при этом общественно необходимой. Вместе с тем система прав и свобод человека предполагает, что каждый человек должен не только знать свои права, но и соизмерять их с правами и свободами других членов общества, а также со своими обязанностями. Пока же, как справедливо отмечает Д. А. Пашенцев, «в истории нашей страны практически не было периода, когда государство соблюдало права личности. Такая ситуация являлась достаточно обычной и в период Российской империи, и при Советской власти, не сильно изменилась она и в современных условиях. Значит, несоблюдение прав человека в России — это закономерность, вытекающая из всей нашей истории, из особенностей развития страны и ее веками формировавшегося менталитета. Не будем забывать, что власть — это всего лишь отражение самого народа, всех его негативных и позитивных качеств, только представленных более ярко и рельефно» (Пашенцев 2011, 122).

Вторая трудность заключается в том, что даже самая продуманная правовая реформа — это определенное потрясение для общества и каждого его члена, так как она предполагает изменение сложившихся отношений, норм, представлений. При этом исследователи отмечают, что «по своей основательности и глубине преобразования, степени конфликтности, которые с ними связаны, реформы занимают промежуточное положение между революцией и текущим совершенствованием существующей практики» (Соколов 2006, 6). Именно поэтому нужен ориентир, позволяющий каждому человеку осознавать необходимость реформирования и менее болезненно переходить к нему. Права человека и гражданина в большей степени подходят на эту роль, так как действительно находят отражение в жизни каждого члена общества.

Наконец, третья трудность обусловлена тем, что общественные настроения в период проведения любой реформы меняются. «Правовой романтизм» или «правовой идеализм», присущий первому этапу правовой реформы, неизбежно сменяется равнодушием, а затем и открытой критикой проводимой реформы. При этом последний период наступает тогда, когда правовая реформа еще не закончена, и можно судить только о промежуточных результатах, которые, естественно, имеют большую степень погрешности. На этом этапе власти должны не пойти на поводу у общественного мнения и довести реформу до конца.

Эффективность взаимодействия государства и общества в правовой сфере в период восстаний, революционных событий обычно определяется юридическим решением наиболее острых проблем, ставших причиной проявления недовольства в крайних формах. Так, Пространная редакция Русской Правды, действительно, на время решила вопрос о закупничестве после восстания 1113 г. Соборное Уложение 1649 г. «остановило» городские восстания, начавшиеся в 1648 г. В результате революционных событий 1905 г. в России установилась конституционная монархия. Однако для стратегических преобразований необходима более последовательная, продуманная и долгосрочная работа.

Формы взаимодействия Российского государства и общества в правовой сфере могут быть самыми разнообразными.

Во-первых, с древнейших времен до наших дней постоянно наблюдается процесс придания сложившейся практике статуса правового обычая. Даже большевики до коллективизации официально сохраняли правовые обычаи в крестьянской среде, правовой обычай признавался источником права в Кодексах торгового мореплавания. На современном этапе наблюдается процесс возрастания роли обычаев в системе источников права. Об этом свидетельствует внесение в 2012 г. поправки в ст. 5 Гражданского кодекса РФ, согласно которой понятие обычая делового оборота было расширено до понятия обычая.

Во-вторых, народные челобитные, петиции, обращения, законодательные инициативы также на протяжении всех веков российской истории до определенной степени являются двигателем законотворческого процесса. Так, в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий Российского государственного исторического архива хранятся петиции протестантских пасторов периода Первой российской революции, в которых они указывали факторы, стесняющие их религиозную свободу: 1) ст. 761 т. XI части 1 Устава иностранных исповеданий, согласно которой перестройка и постройка церквей требовала разрешения министра внутренних дел, так как очень часто наблюдалось «явное нежелание» давать такие разрешения; 2) чрезмерно большие приходы, в которых пасторам просто невозможно работать; 3) необходимость спрашивать разрешения полиции на совершение общественного богослужения под открытым небом или в здании, для богослужения не предназначенном; 4) запрет собраний, посвященных делам заграничных миссий, и правило, по которому сборы в пользу заграничных миссионерских обществ дозволяются губернатором с последующим извещением его о собранной сумме; 5) подчиненность протестантских церковных школ Министерству народного просвещения; 6) подписки при заключении смешанных браков². Безусловно, данные «инициативы» изучались и учитывались при разработке вероисповедных законопроектов в думский период, причем как Правительством, так и фракциями.

В-третьих, создаются специальные комиссии, как официальные, так и научные, для изучения реальной правовой картины. Так, в 1860-е гг. в Ярославской губернии по официальным данным было 7454 старообрядца. Однако статистическая экспедиция, которая, работая там, сумела установить с местным населением доверительные отношения, насчитала 278 417 чел., заявивших о своей принадлежности к старообрядчеству, т. е. в 37 раз больше (Рубакин 1912, 76). Огромное количество сведений о реальной правовой картине на местах было получено в период проведения Судебной реформы 1864 г. В связи с тем, что Судебные уставы сохранили суды по крестьянским вопросам — волостные суды, которые принимали решения на основании норм обычного права, в конце 1860-х гг. была создана Комиссия по преобразованию волостных судов, по результатам своей работы издавшая многотомный труд (семь частей). В 1887 г. отдел этнографии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, председателем которого в то время был В. Ф. Миллер, для руководства при сборе сведений о быте русских крестьян опубликовал «Программу для собирания сведений об юридических обычаях» и «Программу для собирания этнографических сведений». Эти документы высылались бесплатно всем обращающимся в общество. Затем данное Общество

---

² Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 5. Д. 6. Приложение. Л. 2.

стало выпускать сборники статей различных ученых о крестьянских обычаях губерний, в которых им удалось поработать (Харузин 1889). По подсчетам В. Б. Безгина, только за 1876–1889 гг. было опубликовано более 3500 книг и статей, посвященных обычному праву (Безгин 2000, 7).

В-четвертых, общество реагирует на новые нормативно-правовые акты или их реализацию. Яркий пример — законы, указы, декреты, постановления, которым народ дает собственные названия. Так, хрестоматийным является циркуляр о сокращении гимназического образования, подписанный российским министром народного просвещения И. Д. Деляновым 18 июня 1887 г., прозванный в народе «циркуляром о курхаркиных детях»³. В этот же ряд можно поставить Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁴, негативное отношение к которому в обществе было выражено в присвоенном ему наименовании — «закон о трех колосках» (Рогачев 2014, 260).

В-пятых, осуществляется мониторинг правоприменения, который в разных видах существовал на всех этапах истории российского права, однако только в XXI в. принял официальную форму. Разработка данной проблемы началась с 2004 г. по инициативе Совета Федерации (Саломатин 2007, 93). В мае 2011 г. был издан Указ Президента РФ о мониторинге правоприменения⁵. Сейчас это одно из направлений деятельности Министерства юстиции. Мониторинг правоприменения проводится по группам нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы, перечень которых утверждается ежегодно.

В-шестых, массовое игнорирование выполнения нормы права, поиск способов уклонения от ее выполнения тоже является формой взаимодействия государства и общества в правовой сфере. Например, фактическая отмена института наследования в 1918–1922 гг., когда имущество умершего переходило к государству в лице местного Совета как единственному наследнику (Максютина 2016, 173), породила различные обходные способы передачи имущества родственникам и не привела к тому результату, на который рассчитывали большевики, поэтому в 1922 г. было восстановлено наследование по закону и по завещанию.

В-седьмых, новой формой взаимодействия государства и общества в правовой сфере с 1998 г. стало обращение российских граждан в международные судебные органы, в основном в Европейский суд по правам человека. О значении международно-правовых стандартов, прежде всего в обеспечении прав и свобод человека, писал еще один из авторов Конституции РФ 1993 г. С. С. Алексеев. Он констатировал, что «сложившаяся в условиях советского общества юридическая система (в целом!), при всей важности и незаменимости уникального юридического инструментария, не способна обеспечить с правовой стороны сколько-нибудь существенные преобразования, направленные на утверждение в обществе демократии, экономической свободы, свободы личности» (Алексеев 1997, 48). А затем отметил,

---

³ О сокращении числа учеников в гимназиях и протогимназиях и изменении состава оных // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10. Царствование Императора Александра III. 1885–1888 годы. СПб., 1894. № 434. С. 880–881.

⁴ Собрание законов СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

⁵ Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 25 мая. № 110.

что «решающим (...первым по значению) фактором, который переводит действующее право, сложившееся в тоталитарных условиях, в новое состояние, является придание непосредственного юридического значения международным признанным правам и свободам человека» (Алексеев 1997, 77).

Не найдя эффективного способа защиты своих прав на внутрисударственном уровне, гражданин как бы заставляет государство взглянуть на отсутствие регулирования или несправедливое регулирование определенной сферы общественных отношений. Как известно из практики Страсбургского суда, государства достаточно часто воспринимают проигранные дела как призыв к действию, не только выплачивая присужденную гражданину компенсацию за нарушенное право, но и внося изменения в законодательство, принимая новые законы. Например, реакцией Российского государства на то, что большинство дел против него касалось права на справедливое правосудие и доступа к правосудию, стало принятие Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁶. Однако данная форма имеет и другую сторону. Как отмечает Д. А. Пашенцев, «акцент на правах личности, свойственный европейскому правосознанию и правопониманию, отодвигает обязанности личности на второй план» (Пашенцев 2016, 197). Так, Россия неоднократно проигрывала в Европейском суде по правам человека дела, связанные с террористическими актами. Как правило, речь идет о нарушении права на жизнь. Однако теракты на современном этапе — общая беда всего человечества, каждого государства, общества, конкретного человека, поэтому противопоставление государства и общества в данном контексте, а не их солидаризация в противодействии этому ужасающему явлению начала XXI в. может тоже иметь опасные последствия.

3. Выводы. Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере наблюдается на всех этапах истории. С точки зрения достижения краткосрочного результата наибольшие перемены происходили в российском праве в революционные периоды, однако многие из них носили временный характер. Периоды стабильности позволяют государству и обществу вести диалог, в том числе в вопросах развития права, нормативно-правовой материал отличается проработанностью. Наибольшей интенсивности взаимодействие государства и общества в правовой сфере достигает в периоды правовых реформ.

Формы такого взаимодействия находятся в постоянном развитии. Если процесс придания обычаю статуса правового обычая и, таким образом, источника права, обращение к властям, законодательные инициативы, массовое игнорирование исполнения того или иного закона известны фактически с древности, то такие формы, как создание специальных комиссий для изучения правовой действительности, присвоение наименований наиболее одиозным нормативно-правовым актам появились только в XIX в. В конце XX столетия с расширением сотрудничества в рамках международных организаций возникла новая форма взаимодействия государства и общества в правовой сфере — обращение граждан в органы международного правосудия. В последние годы активно развивается мониторинг правоприменения, позволяющий увидеть плюсы и минусы законодательного процесса и общественную реакцию на него.

---

⁶ СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

Библиография

- Алексеев, Сергей С. 1997. *Уроки. Тяжкий путь России к праву*. М.: Юрист.
- Ананьев, Виталий Г. 2016а. «В России следует подумать государству об искусстве»: министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч.1». *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств* 1 (45): 173–181.
- Ананьев, Виталий Г. 2016б. «В России следует подумать государству об искусстве»: министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч.2». *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств* 2 (46): 109–117.
- Ахметова, Динара И., Баладина, Надежда В., Богорубова, Татьяна А. и др. 2014. *Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение*. М.: Поволжский юридический институт (филиал) РПА Минюста России.
- Бачило, Илларию Л. 2008. «Правовая платформа построения электронного государства». *Информационное право* 4: 3–9.
- Безгин, Владимир Б. 2000. *Обычное право русской деревни (вторая половина XIX — начало XX вв.)*. Тамбов: Изд-во ТГУ.
- Бейсенбин, Кайрат А., Легуновский, Павел В. 2013. «Политико-правовые проблемы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в условиях постсоветской России». *Армия и общество: научно-информационный журнал* 5 (37): 7–11.
- Биюшкина, Надежда И. 2010. «Источники положения “О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия” от 14 августа 1881 г.». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 5-1: 288–293.
- Бойченко, Игнат С. 2012. «Актуальные вопросы развития информационного общества». *Правовая информатика* 3: 9–12.
- Бычков, Виталий А. 2007. «Обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г. на страницах периодической печати». *150 лет периодической печати в Сибири. Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей»*. Томск: Издательство ТМЛ-Пресс.
- Григорьев, Олег В. 2011. «Правовые реформы — ответ на вызовы социальных деструкций». *Административное и муниципальное право* 8: 12–14.
- Житенев, Тимофей Е. 2018. *Вопрос о церковноприходских школах на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 гг.* Дата обращения 18 февраля, 2018. http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=412.
- Короткова, Оксана И. 2010. «Теоретико-правовой анализ правосознания как необходимый компонент проведения политико-правовых реформ». *Государственная власть и местное самоуправление* 11: 5–10.
- Кронский, Вячеслав С. 1985. «Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года и развитие законодательства». *Известия высших учебных заведений. Правоведение* 2: 42–46.
- Лапина, Наталия Ю. 2017. «Политики и журналисты в эпоху коммуникативной революции». *Мировая экономика и международные отношения* 61 (9): 111–120.
- Лаптева, Людмила Е., Лапаева, Валентина В., Пахалов, Михаил Ю. 2014. «Россия в поисках правовой идентичности». *Вестник Российского гуманитарного научного фонда* 2 (75): 63–70.
- Максютина, Ксения В. 2016. «Этапы становления советского наследственного права». *Вестник экономической безопасности* 3: 173–175.
- Мальцев, Геннадий В., Носов, Сергей И. 2009. «Коррупциогенные факторы в юридических нормах: природа, формы проявления, проблемы устранения». *Право и образование* 1: 4–12.
- Мананников, Олег В. 2008. «Правовой нигилизм и правовая реформа». *Нотариальный вестник* 2: 56–57.
- Немытина, Марина В. 2012. «Реформы второй половины XIX в. в России: опыт модернизации государственно-правового порядка». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки* 4: 8–15.
- Нудненко, Лидия А. 2012. «Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства». *Государство и право* 2: 33–41.
- Пашенцев, Дмитрий А. 2011. «Несколько тезисов о правах человека». *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки* 1: 122–129.
- Пашенцев, Дмитрий А. 2016. «Значение прав человека в современных условиях». *Концепции развития института прав человека в условиях глобализации современного права и политики. Сборник*

- ник научных трудов по материалам международного научно-практического круглого стола. Отв. ред. Н. Н. Кулешова. Рязань: Издательство «Концепция».
- Петрушечкин, Павел В. 2009. «Взаимодействие государства и общества в ходе реализации социальной политики в Республике Саха (Якутия)». *Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология* 4 (8 Политология — 11 История): 48–53.
- Подольный, Николай А., Подольная, Наталья Н. 2014. «Системная коррупция — системная угроза взаимодействию между обществом и государством». *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права* 3: 33–39.
- Рогачев, Александр Г. 2014. «Исторические особенности сталинской модели государственной и правовой модернизации СССР в 1929–1953 годах». *Вестник Красноярского государственного аграрного университета* 8: 256–263.
- Рубакин, Николай А. 1912. *Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (на основании официальных и научных исследований)*. СПб.: Вестник знания.
- Рябцев, Роман А. 2005. *Современная правовая реформа в России и правосудие (теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан)*. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону.
- Саломатин, Алексей Ю. 2007. «Использование социально-правового мониторинга и сравнительно-правового метода в ходе реформирования права (к постановке проблемы)». *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки* 2: 92–96.
- Сигалов, Константин Е. 2016. «Алгоритм правовых противоречий государства, гражданского общества, личности в кризисных ситуациях». *Гражданское общество в России и за рубежом* 3: 23–27.
- Скоробогатов, Андрей В. 2007. «Правовая реформа в России во второй половине XVIII века». *Актуальные проблемы экономики и права* 2: 88–92.
- Соколов, Николай Я. 2006. «Правовая реформа глазами юристов». *Государство и право* 6: 5–13.
- Сорокин, Виталий В. 2003. «О проблеме “неправа” в переходный период». *Новая правовая мысль* 1: 14–18.
- Трофимов, Василий В. 2010. «Правовая политика как научная основа правовых реформ». *Государство и право* 6: 101–104.
- Фетюков, Федор В. 2017. «Право как средство обеспечения эффективного взаимодействия государства и гражданского общества». *Политика и общество* 4: 104–120.
- Фетюков, Федор В. 2016. *Взаимодействие государства и гражданского общества (теоретико-правовое исследование)*. Дис. ... канд. юрид. наук. Уральский государственный юридический университет.
- Харузин, Николай. 1889. *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.)*. М.: Типография А. Левинсон и К°.
- Хоконов, Анзор А. 2009. «Правовое государство и гражданское общество: некоторые аспекты взаимодействия». *Вестник Военного университета* 3: 87–90.
- Черноусова, Лилия Н. 2012. «Гражданское общество и либеральное правовое государство». *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 2-2: 222–224.
- Шапкина, Елена А. 2014. «Государственно-общественное партнерство». *Государственная власть и местное самоуправление* 4: 6–10.
- Aasland, Aadne, Meylakhs, Anastasia. 2017. “Adjusting the scope of interaction between state and civil society: HIV prevention among drug users”. *Governance in Russian Regions: A Policy Comparison* 43–71. Springer International Publishing.
- Chan, Rami Hin Yeung. 2016. “Why crises matter: Crisis-provoking politics and state — society interactions in post-1997 Hong Kong”. *China: An International Journal* 14 (4): 22–45.
- Christie, Ryerson. 2012. *Peacebuilding and NGOs: State-Civil Society Interactions*. University of Bristol.
- Holovaty, Mykola. 2015. “The state and society: The conceptual foundations and social interaction in the context of formation and functioning of states”. *Economic Annals-XXI* 9–10: 4–8.
- Koh, David. 2006. “Wards of Hanoi”. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies.
- Maundeni, Zibani. 2004. “Mutual criticism and state/society interaction in Botswana”. *Journal of Modern African Studies* 42 (4): 619–636.
- Melnikov, Victor Yu., Seregin, Andrei V., Tsechoyev, Valery K. et al. 2018. “The necessity of formation of national ideology and implementation of the principle of justice for the development of Russian society.” *Astra Salvensis* 6: 345–351.
- Ndou, S. D., Sebola, Mokoko Piet. 2014. “Civil Society in Context of a Legal Temperament: Is the Watchdog a Capable Person?” *Mediterranean Journal of Social Sciences* 5 (27): 908–915.

- Rieber, Alfred Joseph. 2018. "The imperial Russian project: Autocratic politics, economic development, and social fragmentation". University of Toronto Press.
- Ruud, Arild Engelsen. 1996. "State and society interaction without a 'civil society' or a 'public sphere'? Some suggestions from rural India". *Forum for Development Studies* 23 (2): 259–285.
- Xueyao, Li, Jinhua, Cheng. 2013. "Structural Constraints on Legal Change: Chinese Lawyers in the Interaction between the State, the Market and Society". *Social Sciences in China* 34 (1): 58–77.

Статья поступила в редакцию 1 июня 2018 г.,
рекомендована в печать 15 августа 2018 г.

Контактная информация:

Ильина Татьяна Николаевна — канд. юрид. наук, доц.; tanayunik@rambler.ru
Дорская Александра Андреевна — д-р юрид. наук, проф.; adorskaya@yandex.ru
Дорский Андрей Юрьевич — д-р филос. наук, проф.; a.dorsky@spbu.ru

The Russian state and society interaction in the legal sphere: Historical and legal analysis

T. N. Ilina¹, A. A. Dorskaia², A. Yu. Dorskii³

¹ Kursk State University, 33, ul. Radishcheva, Kursk, 305000, Russian Federation

² Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

³ St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Ilina, Tatyana N., Dorskaia Aleksandra A., Dorskii Andrey Yu. 2018. "The Russian state and society interaction in the legal sphere: Historical and legal analysis". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 467–483. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.402> (In Russian)

The article deals with the interaction of the Russian state and society in the legal sphere during the periods of stability, legal reforms and revolutionary transformations on the basis of specific historical and legal examples. In research on the history of state and law, on the one hand, these problems are constantly affected in various aspects, but on the other hand - there are no theoretical generalizations on the basis of historical and legal material, the problem of interaction of the state and society in the legal sphere not only acquires relevance but also requires learning from the point of view of experience. It is concluded that the most intensive interaction between the state and society was during the periods of legal reforms. It also shows the pros and cons of the results of such interaction during each of three periods. Such forms of interaction between the state and society in the legal sphere, as granting of legal status to the custom, institute of «popular initiative» in legislative process, creation of official and scientific special commissions for studying the real legal situation, studying of the public response to the new regulatory acts or their implementation, law enforcement monitoring, mass failure to follow the rule of law, recourse to international adjudication by Russian citizens, have been considered.

Keywords: legal sphere, legal reform, revolution, a period of stability, level of a transgression of society.

References

- Alekseev, Sergej S. 1997. *Uroki. Tiazhkii put' Rossii k pravu* [Lessons. Russia's hard way to law]. Moscow: Yurist Publ. (In Russian)
- Ananjev, Vitalij G. 2016a. "V Rossii sleduet podumat' gosudarstvu ob iskusstve': ministerstvo iskusstv v diskussiiakh revoliutsionnoi epokhi (1917 g.). Ch. 1" ["In Russia, the state should think about art': ministerstvo iskusstv in discussions of the revolutionary epoch (1917 g.). Part 1"]

- the Ministry of arts in the discussions of the revolutionary era (1917). Part 1”]. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [*Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*] 1 (45): 173–181. (In Russian)
- Ananjev, Vitalij G. 2016b. “V Rossii sleduet podumat' gosudarstvu ob iskusstve': ministerstvo iskusstv v diskussiiakh revoliutsionnoi epokhi (1917 g.). Ch.2” [“In Russia, the state should think about art': the Ministry of arts in the discussions of the revolutionary era (1917). Part 2”]. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [*Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*] 2 (46): 109–117. (In Russian)
- Ahmetova, Dinara I., Baladina, Nadezhda V., Bogorubova, Tat'yana A. et al. 2014. *Modernizatsiia gosudarstva, vlasti, prava i obshchestva: chelovecheskoe izmerenie* [*Modernization of the state, government, law and society: the human dimension*]. Moscow: Povolzhskii iuridicheskii institut (filial) RPA Miniusta Rossii Publ. (In Russian)
- Bachilo, Illariya L. 2008. “Pravovaia platforma postroeniia elektronnoho gosudarstva” [“The legal platform for building e-government”]. *Informatsionnoe pravo* [*Information Law*] 4: 3–9. (In Russian)
- Bezgin, Vladimir B. 2000. *Obychnoe pravo russkoi derevni (vtoraia polovina XIX — nachalo XX vv.)* [*Customary law of the Russian village (second half of XIX — beginning of XX centuries)*]. Tambov: TGU Publ. (In Russian)
- Bejsenbin, Kajrat A., Letunovskij, Pavel V. 2013. “Politiko-pravovye problemy vzaimodeistviia gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v usloviakh postsovetskoj Rossii” [“Political and legal problems of interaction between the state and civil society institutions in post-Soviet Russia”]. *Armiia i obshchestvo: nauchno-informatsionnyi zhurnal* [*Scientific and information magazine “Army and society”*] 5 (37): 7–11. (In Russian)
- Biyushkina, Nadezhda I. 2010. “Istochniki polozheniia ‘O merakh k okhraneniui gosudarstvennogo poriadka i obshchestvennogo spokoistviia’ ot 14 avgusta 1881 g.” [“Sources of the provision ‘On measures to protect public order and public peace’ of August 14, 1881”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*] 5-1: 288–293. (In Russian)
- Bojchenko, Ignat S. 2012. “Aktual'nye voprosy razvitiia informatsionnogo obshchestva” [“Topical issues of the information society development”]. *Pravovaia informatika* [*Legal Informatics*] 3: 9–12. (In Russian)
- Bychkov, Vitalij A. 2007. “Obsuzhdenie proekta Konstitutsii SSSR 1977 g. na stranitsakh periodicheskoi pečati” [“Discussion of the draft Constitution of the USSR in 1977 on the pages of the periodical press”]. *150 let periodicheskoi pečati v Sibiri. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu izdaniia v Sibiri “Gubernskikh vedomostei”* [150 years of the periodical press in Siberia. Proceedings of the regional scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the publication in Siberia “Provincial Gazette”]. Tomsk: TML-Press. (In Russian)
- Grigorjev, Oleg V. 2011. “Pravovye reformy — otvet na vyzovy sotsial'nykh destruktivnykh” [“Legal reforms — response to the challenges of social destruction”]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [*Administrative and Municipal Law*] 8: 12–14. (In Russian)
- Zhitnev, Timofej E. 2018. *Vopros o tserkovnoprikladnykh shkolakh na Pomestnom Sobore Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi 1917–1918 gg.* [Question about parish schools at the local Council of the Russian Orthodox Church in 1917–1918]. Accessed February 18, 2018. http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=412. (In Russian)
- Korotkova, Oksana I. 2010. “Teoretiko-pravovoi analiz pravosoznaniia kak neobkhodimyi komponent provedeniia politiko-pravovykh reform” [“Theoretical and legal analysis of legal consciousness as a necessary component of political and legal reforms”]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [*State Power and Local Self-government*] 11: 5–10. (In Russian)
- Kronskij, Vyacheslav S. 1985. “Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitutsii SSSR 1977 goda i razvitie zakonodatel'stva” [“Public discussion of the draft Constitution of the USSR in 1977 and the development of legislation”]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [*Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*] 2: 42–46. (In Russian)
- Lapina, Nataliya Yu. 2017. “Politiki i zhurnalisty v epokhu kommunikatsionnoi revoliutsii” [“Politicians and journalists in the era of communication revolution”]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [*World Economy and International Relations*] 61 (9): 111–120. (In Russian)
- Lapteva, Lyudmila E., Lapaeva, Valentina V., Pahalov, Mihail Yu. 2014. “Rossiia v poiskakh pravovoi identichnosti” [“Russia in search of legal identity”]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [*Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*] 2 (75): 63–70. (In Russian)
- Maksyutina, Kseniya V. 2016. “Etapy stanovleniia sovetskogo nasledstvennogo prava” [“Stages of formation of Soviet inheritance law”]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [*Bulletin of economic security*] 3: 173–175. (In Russian)

- Mal'cev, Gennadij V., Nosov, Sergej I. 2009. "Korrupsiogennyye faktory v iuridicheskikh normakh: priroda, formy proiavleniia, problemy ustraneniia" ["Corruption factors in legal norms: nature, forms of manifestation, problems of elimination"]. *Pravo i obrazovanie [Law and Education]* 1: 4–12. (In Russian)
- Manannikov, Oleg V. 2008. "Pravovoi nigilizm i pravovaia reforma" ["Legal nihilism and legal reform"]. *Notarial'nyi vestnik [Notary Gazette]* 2: 56–57. (In Russian)
- Nemytina, Marina V. 2012. "Reformy vtoroi poloviny XIX v. v Rossii: opyt modernizatsii gosudarstvenno-pravovogo poriadka" ["Reforms of the second half of the XIX century in Russia: the experience of modernization of the state-legal order"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Iuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law]* 4: 8–15. (In Russian)
- Nudnenko, Lidiya A. 2012. "Funktsii konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti v kontekste vzaimodeistviia grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva" ["Functions of constitutional rights and freedoms of the individual in the context of interaction of civil society and the rule of law"]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]* 2: 33–41. (In Russian)
- Pashencev, Dmitriy A. 2011. "Neskol'ko tezisov o pravakh cheloveka" ["A few points about human rights"]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serii: Iuridicheskie nauki [Bulletin of the Moscow city pedagogical University. Legal Sciences]* 1: 122–129. (In Russian)
- Pashencev, Dmitriy A. 2016. "Znachenie prav cheloveka v sovremennykh usloviakh" ["The importance of human rights in modern conditions"]. *Kontseptsii razvitiia instituta prav cheloveka v usloviakh globalizatsii sovremennogo prava i politiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola [The concept of development of the Institute of human rights in the context of globalization of modern law and policy. Collection of scientific papers on the materials of the international scientific and practical round table]*. Ed. N.N. Kuleshova. Ryazan': Kontseptsii Publ. (In Russian)
- Petrushchekin, Pavel V. 2009. "Vzaimodeistvie gosudarstva i obshchestva v khode realizatsii sotsial'noi politiki v Respublike Sakha (Iakutiia)" ["Interaction of the state and society in the implementation of social policy in the Republic of Sakha (Yakutia)"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Istorii i Politologiiia [Bulletin of Perm University. Series: History and Political Science]* 4 (8 Political Science — 22 History): 48–53. (In Russian)
- Podol'nyj, Nikolaj A. and Podol'naja, Natalia N. 2014. "Sistemnaia korrupsiia — sistemnaia ugroza vzaimodeistviu mezhdu obshchestvom i gosudarstvom" ["Systemic corruption — A systemic threat to the interaction between society and the state"]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]* 3: 33–39. (In Russian)
- Rogachev, Aleksandr G. 2014. "Istoricheskie osobennosti stalinskoj modeli gosudarstvennoj i pravovoi modernizatsii SSSR v 1929–1953 godakh" ["Historical features of the Stalinist model of state and legal modernization of the Soviet Union in the years 1929–1953"]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Vestnik of Kazan State Agrarian University]* 8: 256–263. (In Russian)
- Rubakin, Nikolaj A. 1912. *Rossii v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviia. Klassy (na osnovanii ofitsial'nykh i nauchnykh issledovanii)* [Russia in numbers. Country. People. Estates. Classes (based on official and scientific research)]. St. Petersburg: Vestnik znaniia Publ. (In Russian)
- Ryabcev, Roman A. 2005. *Sovremennaia pravovaia reforma v Rossii i pravosudie (teoretiko-pravovyye problemy izmeneniia pravosoznaniia grazhdan)* [Modern legal reform in Russia and justice (theoretical and legal problems of changing the legal consciousness of citizens)]. PhD Thesis. Rostov-on-Don. (In Russian)
- Salomatin, Aleksey Yu. 2007. "Ispolzovanie sotsial'no-pravovogo monitoringa i sravnitel'no-pravovogo metoda v khode reformirovaniia prava (k postanovke problemy)" ["The use of social and legal monitoring and comparative legal method in the course of law reform (to the formulation of the problem)"]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki [Proceedings of Higher Education Institutions. Volga region. Social sciences]* 2: 92–96. (In Russian)
- Sigalov, Konstantin E. 2016. "Algoritm pravovykh protivorechii gosudarstva, grazhdanskogo obshchestva, lichnosti v krizisnykh situatsiiakh" ["The algorithm of legal contradictions of the state, civil society, personality in crisis situations"]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom [Civil Society in Russia and abroad]* 3: 23–27. (In Russian)
- Skorobogatov, Andrej V. 2007. "Pravovaia reforma v Rossii vo vtoroi polovine XVIII veka" ["Legal reform in Russia in the second half of the XVIII century"]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]* 2: 88–92. (In Russian)
- Sokolov, Nikolaj Ya. 2006. "Pravovaia reforma glazami iuristov" ["Legal reform through the eyes of lawyers"]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]* 6: 5–13. (In Russian)

- Sorokin, Vitalij V. 2003. "O probleme 'neprava' v perekhodnyi period" ["On the problem of 'wrong' in the transition period"]. *Novaia pravovaia mysl'* [New Legal Conception] 1: 14–18. (In Russian)
- Trofimov, Vasilij V. 2010. "Pravovaia politika kak nauchnaia osnova pravovykh reform" ["Legal policy as a scientific basis of legal reforms"]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law] 6: 101–104. (In Russian)
- Fetyukov, Fedor V. 2017. "Pravo kak sredstvo obespecheniia effektivnogo vzaimodeistviia gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva" ["Law as a means of ensuring effective interaction between the state and civil society"]. *Politika i obshchestvo* [Politics & Society] 4: 104–120. (In Russian)
- Fetyukov, Fedor V. 2016. *Vzaimodeistvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Interaction of the state and civil society (theoretical and legal research)]. PhD Thesis. The Ural State Law University. (In Russian)
- Kharuzin, Nikolaj. 1889. *Sbornik svedenii dlia izucheniiia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii (obychnoe pravo, obriady, verovaniia i pr.)* [Collection of information to study the life of the peasant population of Russia (customary law, rites, beliefs, etc.)]. Moscow: Tipografiia A. Levinson i Ko. (In Russian)
- Khokonov, Anzor A. 2009. "Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: nekotorye aspekty vzaimodeistviia" ["Legal state and civil society: some aspects of the interaction"]. *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the military University] 3: 87–90. (In Russian)
- Chernousova, Liliya N. 2012. "Grazhdanskoe obshchestvo i liberal'noe pravovoe gosudarstvo" ["Civil society and liberal rule of law"]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice] 2-2: 222–224. (In Russian)
- Shapkina, Elena A. 2014. "Gosudarstvenno-obshchestvennoe partnerstvo" ["Public-public partnership"]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government] 4: 6–10. (In Russian)
- Aasland, Aadne and Meylakhs, Anastasia. 2017. "Adjusting the scope of interaction between state and civil society: HIV prevention among drug users". *Governance in Russian Regions: A Policy Comparison*. 43–71. Springer International Publishing.
- Chan, Rami Hin Yeung. 2016. "Why crises matter: Crisis-provoking politics and state — society interactions in post-1997 Hong Kong". *China: An International Journal* 14 (4): 22–45.
- Christie, Ryerson. 2012. *Peacebuilding and NGOs: State-Civil Society Interactions*. University of Bristol.
- Holovaty, Mykola. 2015. "The state and society: The conceptual foundations and social interaction in the context of formation and functioning of states". *Economic Annals-XXI* 9–10: 4–8.
- Koh, David. 2006. "Wards of Hanoi". Singapore, Institute of Southeast Asian Studies.
- Maundeni, Zibani. 2004. "Mutual criticism and state/society interaction in Botswana". *Journal of Modern African Studies* 42 (4): 619–636.
- Melnikov, Victor Yu., Seregin, Andrei V., Tsechoyev, Valery K. et al. 2018. "The necessity of formation of national ideology and implementation of the principle of justice for the development of Russian society". *Astra Salvensis* 6: 345–351.
- Ndou, S. D., and Sebola, Mokoko Piet. 2014. "Civil Society in Context of a Legal Temperament: Is the Watchdog a Capable Person?" *Mediterranean Journal of Social Sciences* 5 (27): 908–915.
- Rieber, Alfred Joseph. 2018. "The imperial Russian project: Autocratic politics, economic development, and social fragmentation". University of Toronto Press.
- Ruud, Arild Engelsen. 1996. "State and society interaction without a 'civil society' or a 'public sphere'? Some suggestions from rural India". *Forum for Development Studies* 23 (2): 259–285.
- Xueyao, Li, and Jinhua, Cheng. 2013. "Structural Constraints on Legal Change: Chinese Lawyers in the Interaction between the State, the Market and Society". *Social Sciences in China* 34 (1): 58–77.

Received: June 1, 2018
Accepted: August 15, 2018

Author's information:

Tatjana N. Ilina — PhD, Associate Professor; tanayunik@rambler.ru
Aleksandra A. Dorskaia — Dr. Sci. in Law, Professor; adorskaya@yandex.ru
Andrei Yu. Dorskii — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.dorsky@spbu.ru